

Алиса Яснова

ЛЮДИ, КОТОРЫХ МЫ ПРИДУМАЛИ

Алиса Яснова

Люди которых мы придумали

«Автор»

2026

Яснова А.

Люди которых мы придумали / А. Яснова — «Автор», 2026

Иногда мы любим не человека. Мы любим его голос, взгляд, случайную встречу, несколько фраз, фотографию, обещание, которое никто не давал. Дистраиваем недостающее. Придумываем характер, будущее, общую жизнь — и однажды уже не понимаем, где заканчивается реальный человек и начинается история, которую мы сочинили сами. Герои этого сборника встречаются и расходятся, ждут, опаздывают, годами разговаривают с теми, кто их не слышит, проживают целые браки за две остановки и пытаются изменить прошлое одним бесконечным «если бы». Но «Люди, которых мы придумали» — не книга о несчастной любви. Это книга о взрослении после неё. О моменте, когда можно перестать искать знаки, перестать дописывать другого человека за него и признать: чувство было настоящим, даже если история, которую мы вокруг него построили, — нет. Четырнадцать рассказов и повестей Алисы Ясновой о любви, памяти, утрате, ожидании и той странной способности человека превращать несколько реальных мгновений в целую жизнь.

© Яснова А., 2026

© Автор, 2026

Алиса Яснова

Люди которых мы придумали

АЛИСА ЯСНОВА
ЛЮДИ, КОТОРЫХ

МЫ ПРИДУМАЛИ
сборник повестей и рассказов

Иногда мы любим не человека.

Мы любим его голос, взгляд, случайную встречу, несколько фраз, фотографию, обещание, которое никто не давал. Дистраиваем недостающее. Придумываем характер, будущее, общую жизнь — и однажды уже не понимаем, где заканчивается реальный человек и начинается история, которую мы сочинили сами.

Герои этого сборника встречаются и расходятся, ждут, опаздывают, годами разговаривают с теми, кто их не слышит, проживают целые браки за две остановки и пытаются изменить прошлое одним бесконечным «если бы».

Но «Люди, которых мы придумали» — не книга о несчастной любви.

Это книга о взрослении после неё.

О моменте, когда можно перестать искать знаки, перестать дописывать другого человека за него и признать: чувство было настоящим, даже если история, которую мы вокруг него построили, — нет.

Четырнадцать рассказов и повестей Алисы Ясновой о любви, памяти, утрате, ожидании и той странной способности человека превращать несколько реальных мгновений в целую жизнь.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ПРИДУМАТЬ

Человек, которого не было

4

Ещё один день

24

Две остановки

47

Чай с лимоном

65

Время знало

76

Мы разминулись на жизнь

94

II. ВСТРЕТИТЬ

Репетиция счастья

121

Только миг

148

Кина не будет

175

Потерялся ангел

198

III. ОТПУСТИТЬ

Если б только...

222

Красная тетрадь

260

Забыть тебя

287

Просто потому что я тебя жду

319

I. ПРИДУМАТЬ

ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Я поняла, что Никиты нет, когда в третий раз нажала на звонок.

Первые два ещё можно было объяснить.

Не слышит.

В душе.

Спит.

Вышел в магазин.

На третьем человек обычно перестаёт придумывать другим оправдания.

Я стояла перед его дверью, тяжело дышала после шести этажей — лифт опять не работал, — потом медленно сползла по стене и села прямо на грязную лестничную площадку.

Колени дрожали.

Косметика, наверное, давно потекла. Волосы прилипли ко лбу. От меня пахло самолётом, вчерашним алкоголем и чужим городом.

Телефон показывал семнадцать пропущенных вызовов.

Ни одного от Никиты.

Я прислонилась затылком к холодной железной двери.

И слышала его голос.

Не настоящий, конечно.

Память вообще обладает отвратительным свойством возвращать нам голоса именно тогда, когда отвечать им уже поздно.

— Ты придёшь сама, — сказал он неделю назад. — Всё равно придёшь. Только я могу уже не ждать. Я тоже умею уставать.

Тогда я ответила:

— Мне всё равно.

Какие чудовищные вещи человек способен сказать, когда уверен, что его всё равно будут любить.

Наверное, именно так мы и теряем людей.

Не когда перестаём их любить.

А когда начинаем считать их любовь бессмертной.

В пятнадцать лет я была уверена, что большая любовь должна причинять большие страдания.

Иначе какая же она большая.

Так меня научили книги.

В книгах никто не любил нормально.

Никто не звонил:

«Ты поела?»

Никто не покупал картошку.

Никто не сидел рядом, пока другой болел гриппом.

Там ради любви стрелялись, сходили с ума, бросали семьи, переплывали моря, ехали на край света и желательно умирали молодыми.

По сравнению с этим обычная человеческая жизнь выглядела почти неприлично мало-душной.

Мне было пятнадцать.

Умер дедушка.

Тот самый человек, который научил меня играть на пианино, в морской бой, крестики-нолики и болеть за людей, которых я никогда не встречу.

После похорон мне несколько недель снилось его лицо.

А потом мартовским вечером я гладила школьную блузку.

Мама смотрела телевизор.

Шло фигурное катание.

— Смотри какой, — сказала она.

Я подняла голову.

На лёд вышел мальчик в нелепом костюме.

Слишком светлые волосы.

Круглое лицо.

И огромные голубые глаза.

— Крашенный, — сказала я.

Так началась самая большая любовь моей юности.

Возможно, всей моей жизни.

Хотя человек, которого я любила, никогда об этом не знал.

Назовём его Александром.

Настоящее имя сейчас не имеет никакого значения.

Более того, спустя столько лет мне кажется, что настоящее имя как раз было у человека, который выходил на лёд.

А мой Александр существовал исключительно у меня.

Сначала были спортивные газеты.

Потом журналы.

Потом библиотеки.

Интернета дома ещё не было, и информацию приходилось добывать почти физически.

Я знала, в какие дни привозят спортивную прессу.

Научилась по первой полосе различать издания.

Перелистала архивы за несколько лет.

Иногда вырезала статьи.

Да.

Лезвием.

В библиотеке.

Сейчас это звучит как признание серийного убийцы психиатра.

Тогда мне казалось, что любовь даёт право на мелкое преступление.

Дома я разглаживала добычу утюгом и складывала в прозрачные файлы.

Одна статья.

Вторая.

Фотография.

Результаты соревнований.

Три строчки интервью.
Я собирала человека из бумажных обрезков.
Пустоты между ними заполняла сама.
И очень скоро перестала различать, где заканчивается то, что я о нём знаю, и начинается то, что я придумала.

Потом была Олимпиада.
Он выиграл.
Я сидела ночью на крыльце нашего дома в тапочках и тонкой кофте.
Февраль.
Снег.
Рядом лежала наша огромная кавказская овчарка Мила.
У меня было три бутылки дешёвого шампанского и одна шоколадка.
Шоколадка закончилась первой.
Я обнимала Милу за шею и плакала.
— Он смог, — говорила я собаке. — Представляешь? Он смог.
Мила тяжело вздыхала.
Возможно, она была единственным существом во вселенной, которое действительно умело слушать мои рассказы об Александре.
Я была совершенно счастлива.
И совершенно несчастна.
Потому что вместе с его победой произошло очевидное: расстояние между нами стало окончательным.
До Олимпиады он был просто талантливым спортсменом.
После неё стал человеком с телеэкранов.
Почти небожителем.
А я по-прежнему оставалась девочкой из маленького дальневосточного города, сидящей ночью на крыльце с собакой.
Я простудилась.
Потом получила воспаление лёгких.
А когда наконец начала приходить в себя, услышала по радио:
Александр женится.
Одно предложение.
Несколько секунд.
Иногда человеческая жизнь раскалывается именно так — без музыки и предупреждения, между прогнозом погоды и обзором прессы.
Я плакала три дня.
Не потому, что потеряла мужчину.
Я никогда его не имела.
Я потеряла возможность.
Самую прекрасную человеческую возможность — «когда-нибудь».
Когда-нибудь мы встретимся.
Когда-нибудь он увидит меня.
Когда-нибудь поймёт.
Когда-нибудь окажется, что всё это ожидание было не зря.
Через несколько дней выяснилось, что журналисты всё преувеличили.
Никакой свадьбы не было.
Всего лишь какой-то нелепый газетный конкурс с поиском невесты.
Я даже рассмеялась.

Но обратно ничего не вернулось.

Оказывается, иллюзия тоже может умереть от ошибочной новости.

Тогда я впервые поняла, насколько одинока.

Друзья поступили в университеты.

Разъехались.

У всех начались новые жизни.

Только моя словно закончилась, ещё не успев начаться.

Потом умерла Жанна.

Мой скотч-терьер.

Первая собака.

Она появилась у меня ещё в начальной школе и была той частью детства, которая почему-то считалась вечной.

Жанна болела долго.

Врач сказал, что дальше будет только боль.

Родители решили, что отвезти её должна я.

— Ты у нас самая сильная.

Одна из самых страшных фраз, которые можно сказать человеку.

Потому что после неё ему будто запрещено развалиться.

Жанна лежала на ветеринарном столе и смотрела мне в глаза.

Ей сделали укол.

Она лизнула мою руку.

Потом ещё раз.

Хвост едва заметно стукнул по столу.

И всё.

На следующий день шёл дождь.

Я лежала в кровати и думала только о том, что Жанна ненавидела дождь.

Что ей там холодно.

Что сверху мокрая земля.

Что я позволила её убить.

Сейчас я знаю множество правильных слов.

«Гуманное решение».

«Прекращение страданий».

«Ответственность хозяина».

Тогда я знала только одно:

я предала единственное существо, которое никогда не предавало меня.

Наверное, именно после этого мне особенно понадобился Александр.

Человек, который физически не мог меня оставить.

Потому что никогда со мной не был.

Потом появился интернет.

И стало хуже.

До интернета у фантазии хотя бы были естественные ограничения.

После него оказалось, что человека можно любить двадцать четыре часа в сутки.

Фотографии.

Форумы.

Интервью.

Гостевые книги.

Видео.

Архивы.

Фанатские страницы.

Я узнавала, какую музыку Александр слушает, что ест, где тренируется, каких собак любит.

И всё сильнее ощущала, будто знаю его.

Хотя он не знал даже моего имени.

Там же я познакомилась с Мариной.

В сети она называла себя Ванилью.

Она была моей противоположностью.

Если я прятала свою любовь, Марина размахивала ею как государственным флагом.

Подписывала письма его фамилией.

Ходила примерять свадебные платья.

Отправляла ему подарки.

Гадала.

Рассказывала, каким будет их дом.

— Ты ненормальная, — говорила я ей.

— Конечно, — отвечала она. — Нормальные за великих людей замуж не выходят.

Я смеялась.

Поддерживала её.

Дарила талисманы.

Говорила, что она обязательно его встретит.

Иногда мне хотелось её задушить.

Но это тоже казалось формой дружбы.

А потом я придумала Снежинского.

Это случилось почти случайно.

Кто-то спросил, почему у меня никогда не было серьёзных отношений.

Признаться, что несколько лет я люблю спортсмена, который понятия не имеет о моём существовании, оказалось невозможно.

И я сказала:

— Были.

— Кто?

Так появился Александр Снежинский.

Имя я даже не стала менять.

Только фамилию.

Он был старше.

Мы познакомились, когда мне было совсем мало.

Долго дружили.

Потом полюбили друг друга.

У нас был необыкновенный роман.

Он понимал меня без слов.

Мы собирались пожениться.

Но ему предложили работу за границей.

Он уехал.

А я осталась.

— И ты его всё ещё любишь?

— Конечно.

Люди смотрели на меня с уважением.

Трагическая любовь вызывает гораздо больше уважения, чем отсутствие личной жизни.

Я рассказывала эту историю снова.
Потом ещё раз.
Каждый раз добавляла детали.
Какой кофе он любил.
Как целовал меня в висок.
Как мы покупали собаку.
Как однажды поссорились под дождём.
Как выбирали имя будущему ребёнку.
Детали обладают одной неприятной особенностью: они делают ложь похожей на память.
Через некоторое время я перестала точно помнить, что действительно происходило, а что однажды удачно придумалось в разговоре.

Наверное, если достаточно долго рассказывать о человеке, мозг устаёт спорить.

Снежинский поселился в моей памяти.

Иногда мне казалось, что я помню его руки.

Иногда — запах.

Однажды я почти вспомнила квартиру, в которой мы никогда не жили.

А потом я встретила Никиту.

Вернее, сначала встретила второй раз.

Первый был ещё в школе, в детском центре «Океан».

Он носил чёрный свитер с высоким воротником, был худым, длиннопалым и представлялся Дормидонтом Лаврентьевичем.

Мы звали его Графом.

У него были серые глаза.

Он играл на гитаре.

Однажды мы поспорили, что он выучит мою любимую песню.

— На что спорим? — спросила я.

— На поцелуй.

Он выучил.

Я проиграла.

И получила первый поцелуй в жизни.

Через несколько дней нас зачем-то объявили «океанской парой».

Тогда подобным вещам придавали невероятное значение.

Мы были уверены: если однажды кого-то назвали океанской парой, он обязан пронести эту любовь через всю жизнь.

Через четыре дня смена закончилась.

Никита уехал в свой город.

Я — в свой.

И мы прекрасно забыли друг друга.

Так, наверное, и должны заканчиваться почти все первые любви.

Но через три года я увидела его в электричке.

Он прошёл по вагону.

Я подняла глаза от книги.

Он посмотрел на меня.

Остановился на долю секунды.

Улыбнулся.

Я улыбнулась в ответ.

И только ночью вспомнила.

Граф.

Сейчас любого человека можно обнаружить за две минуты.

Тогда понадобились телефонные справочники, старые записные книжки, университетские сайты и несколько недель почти детективной работы.

Наконец я добыла его электронный адрес.

Долго сидела перед монитором.

Потом написала:

«Ну здравствуй, Граф Дракула».

Неделю — ничего.

Потом:

«А кто это?»

Я закрыла письмо.

Вот и всё.

Он меня не помнил.

Сказка закончилась, не начавшись.

Через две недели пришло другое письмо:

«Настя, ты?»

Мы встретились.

Гуляли по набережной.

Разговаривали слишком громко и слишком много, как люди, которые пытаются доказать прошлому, что прекрасно прожили друг без друга.

Потом Никита остановился.

Посмотрел мне в лицо.

— Глаза изменились.

— В смысле?

— Цвет. Раньше были почти карие.

— А сейчас?

Он приблизился.

— Не пойму. Зелёные. Жёлтые. Какие-то невозможные.

Помолчал.

— Но выражение осталось.

— Какое?

— Грустное.

Я рассмеялась.

— Тебе кажется.

— Нет.

Он коснулся моих губ.

Совсем легко.

И ушёл.

Просто развернулся и пошёл.

Я стояла и смотрела ему вслед.

«Вот видишь, — сказала я себе. — Опять».

Меня всегда оставляют.

Через неделю он позвонил.

— Сегодня. Океанский крест.

И отключился.

Я пришла.

Никита ждал.

Долго молчал.

Потом сказал:
— Чёртовы твои глаза.
И обнял меня.
Так в моей жизни впервые появился настоящий мужчина.
Не фотография.
Не газетная статья.
Не биография, которую можно дописать самой.
Человек.
С недостатками.
С молчанием.
Со своими делами.
С привычкой забывать звонить.
С олимпиадами по программированию.
С любимой синей кружкой.
С руками, которыми он во сне всегда искал меня на другой половине кровати.
И именно поэтому мне долго казалось, что это не любовь.
Любовь ведь должна была быть невероятной.
А Никита был просто рядом.

Прошёл год.
Потом второй.
Однажды Марина написала:
«Кажется, получилось».
Я не поняла.
Оказалось, она действительно познакомилась с Александром.
Тем самым.
Сначала переписка.
Потом встреча.
Потом ещё одна.
Она присылала фотографии.
Рассказывала, как он смеётся.
Какой кофе пьёт утром.
Что смешно сопит во сне.
Последнее почему-то ударило сильнее всего.
Можно пережить интервью.
Автограф.
Фотографию.
Даже поцелуй.
Но сон?
Я столько лет знала о нём всё.
И никогда не знала, как он спит.
А Марина знала.
Через несколько месяцев пришло приглашение на свадьбу.
Красивый конверт.
Их имена.
Дата.
Место.
Я перечитала раз десять.
Потом посмотрела на Никиту.

Он сидел за компьютером.

— Я слетаю в Петербург.

— Зачем?

— Марина выходит замуж.

— Та самая?

— Да.

— Лети.

Он даже улыбнулся.

А я не сказала ему, за кого она выходит.

За месяц до свадьбы я похудела.

Перекрасила волосы.

Купила платье.

Тёмно-зелёное.

Когда-то в интервью Александр сказал, что любит этот цвет.

Мне было двадцать с лишним лет.

Я по-прежнему одевалась для человека, который не знал моего имени.

В Петербурге Марина встретила меня в аэропорту.

Повисла на шее.

— Настя!

Она была счастлива.

Это сразу сделало её невыносимой.

Она рассказывала о нём без остановки.

Мой Саша.

Мой Саша.

Мой Саша.

Мы остановились у его матери.

На стенах висели фотографии.

Медали.

Старые снимки.

По квартире ходил тот самый спаниель, о котором я когда-то читала в журнале.

Я гладила его по голове и вдруг ясно увидела другое:

как мы с Александром выбирали этого щенка.

Как спорили об имени.

Как гуляли с ним в парке.

Я помнила даже погоду в тот день.

Вот только такого дня никогда не было.

Тогда мне впервые стало страшно.

Не от Марины.

Не от свадьбы.

От собственной памяти.

Снежинский и настоящий Александр больше не существовали отдельно.

Один взял у другого лицо.

Второй — чужую биографию.

А я уже не понимала, кого именно столько лет любила.

Во сне я убивала Марину.

На её свадьбе.

Она падала в голубом платье.

А Александр перешагивал через неё, подходил ко мне и говорил:

«Наконец-то».

Я проснулась рядом с Никитой, вся мокрая от пота.

— Ты чего?

— Сон.

Он притянул меня к себе.

— Я рядом.

Я лежала у него на груди и думала только об одном:

Марина не должна за него выйти.

Александр приехал за несколько дней до свадьбы.

Я открыла дверь.

Он меня обнял.

По ошибке.

— Ой, простите. Думал, Марина.

Потом улыбнулся.

Та самая улыбка.

Глаза.

Голос.

Человек, которого я любила много лет.

Человек, с которым прожила целую жизнь.

Человек, с которым у нас был сын, собака, квартира и сотни разговоров.

Он посмотрел на меня вежливо.

— Вы Настя, да? Марина много рассказывала.

И в этот момент всё должно было закончиться.

Вот он.

Настоящий.

Живой.

Чужой.

Мне бы понять.

Но человеческий мозг удивительно изобретателен, когда защищает любимое безумие.

«Конечно, — подумала я. — Он просто ещё не понял».

Утром перед свадьбой я съездила на кладбище.

Сейчас я не смогу объяснить зачем.

Собрала цветы с нескольких могил.

Белые.

Красные.

Какие нашла.

Сделала букет.

Положила внутрь нож.

Я не собиралась никого убивать.

Наверное.

Или собиралась.

До сих пор не знаю.

В ЗАГСе было душно.

Марина стояла передо мной в светлом платье.

У неё дрожали плечи.

Я чувствовала запах её духов.

Женщина за столом говорила правильные торжественные слова.

Потом спросила:
— Согласны ли вы?..
Марина вдохнула.
Я сжала нож внутри букета.
— Да.
Одно слово.
И вдруг я не смогла.
Не потому, что пожалела её.
Не потому, что испугалась полиции.
Я посмотрела на Александра.
Он смотрел на Марину.
Так, как ни разу не смотрел на меня.
Ни в одной моей фантазии я не смогла правильно придумать этот взгляд.
Оказывается, любовь выглядела совсем не так, как я представляла.
Она была тихой.
Почти обыкновенной.
Он просто смотрел на женщину, которую выбрал.
Не меня.
Я разжала пальцы.
Нож остался в букете.

На крыльце ЗАГСа в воздух полетели лепестки.
Рис.
Какая-то женщина выпустила белых голубей.
И вдруг кто-то схватил меня за руку.
— Тихо.
Я повернулась.
Никита.
— Ты?..
Он потащил меня за угол.
А потом ударил.
Один раз.
Ладонью по щеке.
Я даже не возмутилась.
— Очнись.
У него были совершенно страшные глаза.
— Я всё знаю.
— Что?
— Всё.
Он говорил быстро.
Что читал мои старые записи.
Что понял про Снежинского.
Про Александра.
Про Марину.
Что прилетел за мной.
Что мне нужна помощь.
Что это не любовь.
Что со мной происходит что-то страшное.
Что мы уедем домой.

Что он будет рядом.
Что мы справимся.
Что он любит меня.
— Поехали, — сказал Никита. — Сейчас. Со мной.
Я посмотрела на него.
На человека, который пролетел через всю страну, потому что испугался за меня.
И сказала:
— Нет.
Он замолчал.
— Что?
— Ты мне не нужен.
Что-то произошло с его лицом.
Совсем небольшое.
Будто внутри погас свет.
— Понятно.
Он отступил.
Потом сказал очень спокойно:
— Ты придёшь сама. Всё равно придёшь. Только я могу уже не ждать. Я тоже умею устывать.

— Мне всё равно.
И я вернулась на свадьбу.

Следующие несколько дней почти стёрлись.
Шампанское.
Чужие квартиры.
Люди, чьих имён я не помнила уже через пять минут.
Мне казалось, что я сижу где-то под потолком и наблюдаю за женщиной внизу.
Она пила.
Смеялась.
Целовалась с кем-то.
Потом приняла какую-то дрянь, которую ей протянули.
Это была не я.
Удобная мысль.
Очень.
А потом однажды утром я проснулась на полу в чужой ванной.
Поднялась.
Включила воду.
Посмотрела в зеркало.
И увидела себя.
Не девочку пятнадцати лет.
Не несчастную возлюбленную великого спортсмена.
Не женщину, которую когда-то бросил Александр Снежинский.
Просто себя.
И вдруг впервые совершенно ясно вспомнила:
Снежинского не существовало.
Никогда.
Он не уезжал в Америку.
Мы не покупали собаку.
Не выбирали имя ребёнку.

Не ссорились под дождём.
Не обещали друг другу вечность.
Никто меня не бросал.
Потому что некому было бросать.
Я сама построила эту историю.
Поселилась в ней.
А потом много лет принимала её стены за настоящий мир.
Я сползла на холодный кафель.
И тогда вспомнила другое.
Как Никита ночью молча укрывал меня одеялом.
Как привозил лекарства.
Как терпеть не мог оливки и всегда отдавал их мне из своей тарелки.
Как прижимался лбом к моему плечу, когда у него что-нибудь не получалось.
Как засыпал, держа меня за запястье.
Как прилетел через всю страну.
Не в воображении.
Не когда-нибудь.
Прилетел.
Я набрала его номер.
Абонент недоступен.
Ещё раз.
Недоступен.
Ещё.
Недоступен.
Первый самолёт.
Задержка рейса.
Ещё звонок.
Ничего.
Из аэропорта я доехала настолько далеко, насколько хватило денег.
Потом бежала.
Шесть этажей.
Железная дверь.
Звонок.
Второй.
Третий.
Тишина.

Я сидела на лестнице, прижавшись спиной к его двери.
Столько лет я стучалась в двери человека, который не знал о моём существовании.
И не заметила открытую дверь того, кто любил меня.
Теперь закрылась и она.
На лестничной площадке пахло пылью, сигаретами и чьим-то супом.
Обычная жизнь.
Никаких ледовых арен.
Никаких олимпийских медалей.
Никакого Петербурга.
Никаких великих трагедий.
Сломанный лифт.
Грязные ступеньки.

Женщина, которая наконец пришла туда, где её когда-то ждали.

Снизу хлопнула дверь подъезда.

Послышались шаги.

Медленные.

Мужские.

Я подняла голову.

Сердце мгновенно приготовило имя.

— Никита?..

Шаги приближались.

Я встала.

Хотела броситься навстречу.

Потом остановилась.

Всю жизнь мне было достаточно нескольких деталей, чтобы придумать человека целиком.

Голубых глаз.

Песни под гитару.

Фразы в интервью.

Шагов на лестнице.

Я смотрела на тёмный поворот между этажами.

И ждала.

На этот раз — ничего не придумывая.

ЕЩЁ ОДИН ДЕНЬ

На столе лежали две папки, семь дискет, четыре видеокассеты и зажигалка.

Кассет сначала было пять.

Одну я уже успела вернуть на полку.

Плохое начало.

Я снова сняла её и положила к остальным.

Сегодня я собиралась с ним расстаться.

Он об этом не знал.

Если быть совсем точной, он не знал и о том, что мы два года были вместе.

В одиннадцать я решила начать.

В одиннадцать десять поставила чайник.

В одиннадцать пятнадцать выяснила, что чай без печенья — издевательство над человеком в сложной жизненной ситуации.

В одиннадцать двадцать семь села за стол.

В одиннадцать двадцать восемь решила, что перед уничтожением архива разумно проверить, всё ли там действительно нужно уничтожать.

Очень разумно.

Особенно если твоя задача — больше ничего не перечитывать.

За окном мело.

Хотя снег был вчера.

Сегодня ветер просто срывал его с крыш, поднимал с земли и таскал между домами. Если не присматриваться, можно было решить, что снова идёт.

Я посмотрела на стол.

Наверное, с некоторыми чувствами примерно то же самое.

Эту мысль я сразу себе запретила.
Ещё не хватало начать красиво страдать до обеда.

Первая папка была синяя.
На обложке я когда-то написала его фамилию. Потом заклеила белой полоской бумаги.
Потом написала снова.

Не знаю, зачем.

Наверное, в семнадцать лет человеку кажется, что если фамилия любимого мужчины лежит у тебя в шкафу, родители каким-то мистическим образом обязательно её обнаружат.

При этом две папки толщиной с уголовное дело, разумеется, подозрений вызвать не должны.

Я открыла.

Журнальные вырезки. Газеты. Фотографии. Распечатанные интервью. Программы соревнований. Одна салфетка.

Я долго смотрела на салфетку.

Вот её происхождение я не помнила.

Это уже пугало.

Когда в архиве великой любви появляются артефакты, значение которых не может восстановиться даже главный хранитель, пора проводить инвентаризацию.

Самую старую вырезку я помнила.

Киоск возле остановки. Журнал лежал на нижней полке. Его не было на обложке. Я вообще не собиралась покупать этот номер.

Потом увидела фамилию.

Купила.

Так это, наверное, и начинается.

Не любовь.

Архив.

На фотографии он смеялся.

Я знала её наизусть.

Складку на футболке возле плеча. Часы. Прищур. Руку, поднятую от солнца. Даже дерево сзади.

Если бы меня тогда посадили на экзамене и попросили подробно описать эту фотографию, я получила бы пять.

Собственную внешность перед зеркалом я изучала значительно менее внимательно.

Нормальные люди, наверное, не знают складки на одежде незнакомого человека.

Хотя кто вообще устанавливает норму?

— Наташка, пойми, он просто не твой.

Мне сказали это вчера.

Мы сидели в кафе. Я ковыряла ложкой мороженое.

— В смысле не мой?

— В прямом.

— Спасибо. Очень глубокая мысль.

— Не ёрничай.

— Я не ёрничаю.

Я ёрничала.

— Ты два года разговариваешь с пустотой.

Вот эту фразу я унесла домой.
Не «он не твой».
Это я и сама знала.
Разговариваешь с пустотой.
Она оказалась неприятно точной.

Я попробовала вспомнить, сколько раз за два года говорила ему то, чего он никогда не слышал.

Перед экзаменом:
Ну давай, помогай.
После олимпиады:
Ты бы мной гордился.
На море:
Смотри, какая вода.
Перед сном:
Спокойной ночи.
Утром:
Доброе утро.

При этом никакого его «доброе утро» не существовало.
Я прекрасно справлялась за обоих.
Он вообще оказался очень удобным мужчиной.
Не спорил. Не опаздывал. Не забывал позвонить. Не говорил: «Не начинай».
Наши отношения обсуждала я.
И довольно продуктивно.

Я положила фотографию в стопку СЖЕЧЬ.
Посмотрела.
Переложил в ЕЩЁ НЕ РЕШИЛА.
Так было честнее.

Я заранее приготовила три листа.
СЖЕЧЬ.
ОСТАВИТЬ.
ЕЩЁ НЕ РЕШИЛА.

План был великолепный.
Через пятнадцать минут в «СЖЕЧЬ» лежала статья, где его фамилию напечатали с ошибкой, и старая программа соревнований, в которой не было ни одной фотографии.

В «ОСТАВИТЬ» — три кассеты, один журнал и фотография.
В «ЕЩЁ НЕ РЕШИЛА» — всё остальное.
Я умела вести переговоры сама с собой.
И неизменно в них проигрывала.

— Просто любимый спортсмен, — сказала я вслух.
Получилось неубедительно.
Я попробовала ещё раз.
— Любимый спортсмен.
Уже лучше.
— Известный спортсмен, выступления которого мне нравятся.
Совсем прекрасно.

Ещё немного — и я могла бы написать официальную справку.

Вторая фотография была из другого сезона.

Её я решила оставить по научным причинам.

Исторический документ.

Третью — потому что там хорошо получился свет.

Четвёртую — потому что две предыдущие были цветными, а эта чёрно-белая.

На пятой я остановилась.

— Ты понимаешь, что делаешь?

Фотография молчала.

Удивительно последовательный мужчина.

Дискеты были хуже.

На них были фотографии, тексты, какие-то найденные материалы.

Одну я подписала:

ОН.

На другой:

РАЗНОЕ.

На третьей:

НЕ УДАЛЯТЬ!!!

Вот эта особенно заинтересовала.

Разумеется, компьютера с дисководом рядом не было.

Я долго крутила её в руках.

Человек, которым я была два года назад, специально оставил мне послание.

Три восклицательных знака.

Серьёзный аргумент.

Я положила дискету в «ОСТАВИТЬ».

Потом разозлилась и переложила в «СЖЕЧЬ».

Потом представила, как пластик плавится в огне, и вернула в «ЕЩЁ НЕ РЕШИЛА».

Экология спасла любовь.

Хуже всего было открыть вторую папку.

Там были мои тексты.

Фотографии ещё можно объяснить коллекционированием. Интервью — интересом к спорту. Записи соревнований — нормальным увлечением болельщика.

Но объяснить пятьдесят с лишним страниц, обращённых к человеку, который никогда их не видел, значительно сложнее.

Я подняла обложку.

Первая страница.

Дата.

Сверху крупно:

ТЕБЕ.

Я закрыла.

Посидела.

Снова открыла.

«Сегодня у меня был экзамен. Ты был рядом».

Я прикрыла глаза.

Нет.

Только не это.

Но я решила расставаться честно.

А честное расставание, как выяснилось, предполагает знакомство с собственной литературной юностью.

«Когда я вошла в аудиторию, мне казалось, что ты держишь меня за руку...»

Господи.

«Я знала, что ты веришь в меня...»

Он не знал, что я сдаю экзамен.

Он вообще не знал, что я существую.

«Когда мне поставили пять, первой мыслью было: ты бы мной гордился».

Вот здесь я перестала смеяться.

Потому что вспомнила ту девочку.

Она действительно была счастлива.

Вышла из аудитории. Прижала тетрадь к груди. И подумала:

Он бы мной гордился.

Не для красоты.

Не ради будущего рассказа.

Она правда так чувствовала.

Я сидела за столом, смотрела на её буквы и вдруг поняла, что издеваться над ней не хочется.

Неловко — да.

Смешно — иногда очень.

Но не стыдно.

Она любила.

Пусть человека, которого почти полностью придумала сама.

Но чувство от этого не было выдуманным.

Выдуманными были отношения.

Это, оказывается, разные вещи.

Я перелистнула несколько страниц.

Пляж. Концерт. Университет. Первая поездка без родителей. Какая-то ссора дома.

Везде был он.

Если мне было страшно — я разговаривала с ним.

Если хорошо — рассказывала ему.

Если хотелось похвастаться — представляла его реакцию.

Если кто-то обижал — мысленно жаловалась.

Если никто не понимал — он понимал.

И вот здесь вчерашняя фраза снова вернулась:

разговариваешь с пустотой.

Нет.

Не совсем.

Я разговаривала с собой.

Просто мне требовалось чужое лицо, чтобы услышать собственный голос.

От этого открытия легче не стало.

Если мужчина тебя бросил — можно хотя бы злиться на мужчину.

Если отношения разрушились — есть двое участников.

А что делать, когда выясняется, что оба участника всё это время были тобой?

Кому предъявлять претензии?

Я налила второй чай.

Первый давно остыл.

На столе образовались четыре кучки.

Три официальные и одна возле меня, которой вообще не должно было существовать.

Туда я складывала вещи, которые «только ещё раз посмотрю».

Эта кучка росла быстрее остальных.

Одна из кассет была подписана датой.

Я помнила тот вечер.

Трансляция начиналась поздно. Родители уже спали. Я сидела почти вплотную к телевизору, чтобы можно было сделать звук потише.

Он выступил хорошо.

Не выиграл.

Мне тогда было ужасно обидно.

Как будто у меня отняли что-то личное.

После трансляции я написала ему семь страниц.

Семь.

Я нашла их.

«Ты лучший».

«Я верю».

«Всё впереди».

Иногда юность поражает не оригинальностью, а последовательностью.

В конце была строчка:

«Если бы ты знал, сколько сил мне даёт то, что ты есть».

Я прочитала.

Потом ещё раз.

Закрыла папку.

Вот это уже было сложнее выбросить.

Потому что это оказалось правдой.

Он действительно давал мне силы.

Не лично.

Не зная об этом.

Он вообще ничего для этого не делал.

Но мысль о нём помогала мне сдавать экзамены, выступать, ехать куда-то одной, переживать провалы.

Можно ли считать подарок подарком, если даритель не знает, что подарил?

— Нет, — сказала я вслух.

На всякий случай.

Потому что если начать философствовать в таком направлении, через час выяснится, что уничтожать архив нельзя из этических соображений.

Я достала большое интервью.

Несколько страниц.

Именно здесь он рассказывал, что в детстве боялся собак. Здесь — про первого тренера. Здесь — про соревнования, после которых чуть не ушёл из спорта. Здесь — про любимый фильм.

Я тогда посмотрела этот фильм.
Он мне не понравился.
Но года полтора я всем говорила, что хороший.
Любовь требует жертв.
Иногда художественного вкуса.

Я перелистнула страницу.
Внизу был вопрос, который раньше я почти не замечала.
— Вам часто пишут поклонницы?
— Бывает.
— Не раздражает?
— Нет, если человек понимает границы.
Я перестала улыбаться.
— А что раздражает?
Ответ был коротким:
— Когда человек по интервью и телевизору решает, что знает тебя лучше твоих друзей.
Я прочитала ещё раз.
Потом третий.
Фраза не изменилась.
Он не говорил обо мне.
Разумеется.
Это интервью вышло ещё до того, как я собрала половину архива.
Никакого тайного послания. Никакого знака.
Просто ответ человека на вопрос журналиста.
Но мне вдруг стало жарко.

Я посмотрела на фотографию рядом.
На складку у плеча. Часы. Прищур. Руку.
Я знала эту фотографию.
Знала любимый фильм. Первого тренера. Некоторые результаты соревнований могла назвать быстрее спортивного комментатора. Знала, как он поправлял волосы перед стартом, как смеялся, как хмурился, как отвечал на вопросы.

Я знала всё.
Кроме него.

И вот это оказалось больше, чем «он не твой». Я впервые увидела расстояние: между телевизором и диваном, газетной страницей и человеком, между тем, что он говорил, и всем, что я успела дописать.

Мне захотелось вырвать интервью.
Не сжечь.
Именно вырвать.
Как будто бумага была виновата.
Я взялась за угол.
Остановилась.
Потом засмеялась.
— Прости.
Не знаю, кому.
Интервью.

Ему.
Себе.

Я положила журнал в стопку ОСТАВИТЬ.

Забавно: первым, что я решила сохранить окончательно, было интервью, разрушившее половину моей легенды.

Я подошла к окну.

Ветер всё ещё таскал вчерашний снег между домами.

Теперь я уже точно видела, что нового снега нет.

Только старый всё никак не может улечься.

Я постояла.

Вернулась к столу.

Переложила первую фотографию из «ЕЩЁ НЕ РЕШИЛА» в «ОСТАВИТЬ».

Одну.

Потом подумала и потянулась ещё за одной.

— Не наглей, — сказала себе.

Вернула её обратно.

В четыре я достала коробку из-под сапог.

Когда-то мама хранила в ней ёлочные игрушки. Потом мне срочно понадобилась коробка «для вещей».

Теперь в неё отправились дубликаты фотографий, две одинаковые вырезки, программа соревнований, несколько газет, где о нём было по две строчки, две кассеты и часть моих текстов.

Не все.

Те, с которыми я пока не могла расстаться, я переложила в синюю папку.

Это раздражало.

Я ведь собиралась быть решительной.

Страдать красиво.

Сжечь прошлое.

Начать новую жизнь.

Желательно до ужина.

Вместо этого сидела на полу и решала, нужна ли мне вырезка размером четыре на семь сантиметров, где он стоит в третьем ряду и половину лица закрывает чужое плечо.

Я оставила.

Не горжусь.

Потом нашла письмо.

Настоящее.

В конверте.

Неотправленное.

На конверте было написано его имя.

Без адреса.

Очень предусмотрительно.

Видимо, подсознание заранее понимало, что почта не обязана доставлять корреспонденцию по принципу «моему любимому человеку, вы там разберётесь».

Я открыла.

Почерк был ужасный.

«Когда-нибудь я обязательно скажу тебе всё это сама».

Я остановилась.

Ну вот.

Не сказала.

И мир почему-то продолжал вращаться.

Дальше было много «когда-нибудь».

Когда-нибудь мы встретимся.

Когда-нибудь ты узнаешь.

Когда-нибудь я скажу.

В юности будущее вообще расходуешь щедро, как будто «когда-нибудь» выдают без ограничений.

На последней странице было:

«А пока пусть это будет моим маленьким секретом».

Я засмеялась.

Секрет занимал две папки, семь дискет и пять видеокассет.

Очень маленький.

Практически незаметный.

Письмо я положила в коробку.

Потом вынула.

Потом снова положила.

— Нет.

Вынула.

Сложила и засунула в карман джинсов.

Не потому, что решила хранить.

Просто вопрос откладывался.

Очень удобная категория человеческих решений:

не сейчас.

К пяти стало темнеть.

Зимой вообще ужасно мало времени на новую жизнь.

Только собрался всё изменить — уже ночь.

Я натянула куртку.

Коробку взяла обеими руками.

На полке осталась одна синяя папка. Три кассеты. Семь дискет. Несколько журналов. Несколько фотографий.

Катастрофа.

По моим первоначальным расчётам полка должна была остаться пустой.

Красивой.

Символичной.

На ней предполагалось пыльное прямоугольное пятно — место, где два года лежала моя любовь.

А там по-прежнему лежала примерно половина моей любви.

Очень упрямая любовь.

На улице ветер оказался сильнее, чем казалось из окна.

Снег летел с крыши и бил в лицо.

Я шла, прижимая коробку к животу, и несколько раз ловила себя на совершенно идиотской мысли:

только бы ничего не выпало.

Я собиралась всё это сжечь.

Но потерять по дороге было почему-то нельзя.

Место я выбрала заранее.

Старое железное корыто во дворе, где летом жгли сухие ветки и всякий хлам.

В моём воображении всё выглядело лучше.

Огонь. Снег. Я стою одна. Ветер треплет волосы. Гибнет прошлое.

На деле ветер лез под куртку, ноги замёрзли почти сразу, а зажигалка отказывалась работать.

Первый щелчок.

Второй.

Третий.

— Ну давай.

Как будто зажигалка тоже была участником отношений и решила вмешаться.

На четвёртый появился огонь.

Погас.

На пятый тоже.

Я закрыла его ладонью.

— Не беси меня.

Если кто-нибудь смотрел из окна, он наверняка решил, что я разговариваю с зажигалкой.

Что, в общем-то, было правдой.

Первой я бросила программу соревнований.

Она загорелась с края.

Огонь медленно пополз по бумаге.

Я смотрела.

Ничего.

Никакой боли.

Никакого ощущения, что из груди сейчас вырвали кусок сердца.

Просто горела бумага.

Потом фотография-дубликат.

Лицо почернело, свернулось, исчезло.

Я ждала.

Всё ещё ничего.

Я стала бросать дальше.

Газета.

Ещё газета.

Мои страницы.

Кассеты я всё-таки не решилась.

Пластик.

Экология второй раз за день спасла воспоминания.

Я поставила их рядом на снег.

Получалось, что я торжественно принесла их уничтожить и теперь просто охраняла от мороза.

Бумага горела плохо.
Слишком плотно сложила.
Некоторые листы обугливались по краям, а середина оставалась целой.
Одна страница вылетела от ветра.
Я побежала за ней.
Поймала возле дерева.
На ней было написано:
Я люблю тебя больше жизни.
Ну конечно.
Именно эта.
Из всей коробки.
Я стояла посреди двора с листком в руке.
Снег летел в лицо.
Очень хотелось увидеть в этом знак.
Судьба против.
Вселенная не разрешает.
Любовь сильнее огня.
Я уже почти начала.
Потом посмотрела на лист.
— Даже не начинай.
Скомкала страницу.
Вернулась.
Бросила в огонь.
Она загорелась сразу.

Вот это почему-то стало смешно.
Я смеялась одна во дворе.
«Больше жизни» горело прекрасно.
Секунд двадцать.
Максимум тридцать.

Потом я достала фотографию.
Он стоял после соревнований.
Уставший. Серьёзный. Без улыбки.
Мне всегда нравился этот снимок меньше.
Наверное, потому что на нём он меньше всего соответствовал моему представлению о нём.

Я уже хотела бросить.
Остановилась.
После этого интервью фотография стала другой.
Нет.

Я смотрела иначе.
Чем меньше оставалось моего придуманного человека, тем интереснее становился тот, которого я не знала.

Я положила снимок в карман.
Рядом с письмом.
— Великолечно.
Я пришла уничтожать архив.

Пока что вынесла из него две вещи.

Огонь начал гаснуть.

На дне оставались чёрные куски бумаги.

Некоторые слова ещё можно было разобрать.

«Навсегда».

«Люблю».

«Твой».

Я пошевелила пепел палкой.

«Навсегда» рассыпалось.

Я посмотрела на пепел. Ну да, конечно.

Я смотрела на огонь и пыталась понять, что именно собиралась уничтожить.

Фотографии сгорят.

Лицо останется. Голос останется.

Два года тоже никуда не денутся.

Мне стало жалко не его.

Себя.

Ту, которая писала семь страниц после его поражения, шла на экзамен и представляла, что он рядом, смотрела на звёзды, слушала песни, собирала статьи.

Конечно, она была смешная.

Катастрофически.

Но она жила.

Училась. Ездила. Выступала. Проигрывала. Выигрывала.

Любила как умела.

Сжигать её вместе с бумагами мне вдруг расхотелось.

Я присела возле огня.

Он почти погас.

Несколько часов назад мне казалось, что если я не сожгу всё, то никогда не освобожусь.

Теперь передо мной лежали сгоревшие бумаги, а свободнее я себя не чувствовала.

Только замёрзла.

Я достала письмо из кармана.

Развернула.

«Когда-нибудь я обязательно скажу тебе всё это сама».

Я перечитала.

Нет.

Скорее всего, не скажу.

Я сложила письмо обратно.

Решила оставить.

Не ему.

Себе.

Чтобы лет через десять открыть, прочитать первую страницу и захотеть провалиться сквозь землю.

Человеку нужны развлечения на будущее.

Я собрала кассеты.
Стряхнула с коробки пепел.
По дороге домой всё время думала:
и что теперь?
В исходном плане после уничтожения архива должна была начаться новая жизнь.
Конкретного содержания у новой жизни не было.
Просто новая.
Без него.
Я представляла это как компьютер после переустановки.
Чисто.
Быстро.
Никаких лишних файлов.
Но оказалось, что я не компьютер.
Печально.

Дома было тепло.
Я поставила кассеты на стол.
Сняла куртку.
Из кармана выпала фотография.
Он лежал на полу лицом вверх.
Серьёзный.
Уставший.
Незнакомый.
Я подняла.
— Ну здравствуй.
Потом рассмеялась.
Вот только этого не хватало.
Начать отношения заново.
Теперь уже с настоящим человеком, который всё ещё не знает о моём существовании.

Я положила фотографию в папку.
Не в рамку.
Этого ещё не хватало.

Потом посмотрела на оставшийся архив.
Синяя папка. Журналы. Дискеты. Кассеты.
Я не чувствовала прежнего ужаса.
Но выбросить всё по-прежнему не могла.
— Ладно, — сказала я.
Самой себе.
Потому что больше разговаривать было всё-таки не с кем.
— Завтра.
И сразу поняла, что вру.

Я сделала чай.
Включила телевизор.
Шли новости. Потом реклама. Потом какая-то передача.
Через полчаса начался спортивный выпуск.
Я напряглась.

Вот сейчас.
Сейчас назовут фамилию.
Не назвали.
Странно.
Мне стало немного обидно.
Вот тебе и новая жизнь.

На полке лежала папка.
Я посмотрела на неё.
Не открыла.
— Значит, просто любимый спортсмен?
Произнесла медленно.
Вроде ничего.
Не умерла.
Сердце не остановилось.
Молния в дом не ударила.
— Просто любимый спортсмен.
На этот раз получилось лучше.
Потом добавила:
— Очень любимый.
Ну.
Нельзя требовать от человека слишком многого за один день.

Перед сном я всё-таки открыла синюю папку.
Только один раз.
Нашла первую вырезку.
Из киоска возле остановки.
Посмотрела.
Положила обратно.
Закрыла.
Без слёз.
Без клятв.
Без разговора.
Это было непривычно.

Я легла.
Выключила свет.
За окном ветер снова поднял снег с крыш.
Если не присматриваться, можно было решить, что идёт новый.
Но я уже знала.
Вчерашний.
Просто всё ещё кружится.

Мне всё ещё хотелось понять, сколько времени потребуется.
Неделя?
Месяц?
Год?
Два года любила. А разлюбить почему-то должна за один вечер.

Я повернулась на другой бок.
— Ещё один день, — сказала я в темноту.
Раньше за этими словами всегда стояло: а завтра — всё.
Теперь я ничего себе не обещала.
— А там посмотрим.
Уже засыпая, я вдруг поняла, что не пожелала ему спокойной ночи.
Не специально.
Просто забыла.

ДВЕ ОСТАНОВКИ

Я прожила с ним двадцать семь лет.
У нас было двое детей, квартира в Петербурге, собака, ужасная кофеварка и традиция каждую осень ехать к морю.
Он седел раньше меня.
Я делала вид, что не замечаю.
Он трижды за всю жизнь сказал мне «я тебя люблю».
Первый раз — под жёлтыми клёнами.
Второй — в загсе.
Третий — когда нам было уже за пятьдесят и мы сидели на берегу, смотрели на море и почему-то обсуждали, нужно ли менять холодильник.
Потом контролёр попросила мой билет.
И выяснилось, что я знаю этого мужчину сорок семь минут.

Началось всё с часов.
Точнее, с того, что у него их не было.
— Девушка, не подскажите время?
Я посмотрела на свои.
— Без пятнадцати.
— Спасибо.
Вот, собственно, и весь фундамент нашей будущей семейной жизни.
Надёжный.
Проверенный.
На таком вполне можно строить ипотеку.

Был октябрь.
Самое начало.
Ещё тот октябрь, который делает вид, что он почти сентябрь.
Солнце.
Сухие листья.
Море тёмно-синее.
Ветер тёплый.
Осень тогда вообще сильно старалась произвести на меня впечатление.
Безуспешно.
Осень я не любила.
Моя подруга Ира считала это серьёзным недостатком характера.
— Ты просто ничего не понимаешь.
— В чём?
— В осени.
— А что там понимать? Дождь, ветер, грязь.

— Листья.
— Умирают.
— Красиво же.
— Это не отменяет первого пункта.

После таких разговоров Ира смотрела на меня как на человека, которому недоступна высокая культура.

Я не переживала.
Мне были доступны отопление и сухая обувь.
Этого вполне хватало.

Я возвращалась домой после нескольких дней у друзей.
До электрички оставалось минут сорок.
Можно было сидеть на вокзале.
Нормальный человек так бы и сделал.
Но я пошла к морю.
Вот что иногда делает с человеком двадцать лет и отсутствие жизненного опыта.
Стояла на перроне, смотрела на корабли и была очень довольна собственной печалью.
Друзья остались там.
Дом — впереди.
Между ними море, вокзал и я.
Красиво.
Практически кино.
Не хватало только музыки.
Вместо музыки подошёл он.

Невысокий.
Тёмные волосы.
Кожаная куртка.
Джинсы.
Чистые ботинки.
Это почему-то запомнилось особенно.

Возможно, потому что мужская обувь в начале двухтысячных часто выглядела так, будто прошла отдельную военную кампанию.

А у него была чистая.
Человек производил впечатление надёжного.
По ботинкам.
Мне было двадцать.
Критерии работали как могли.

После вопроса о времени он постоял рядом.
Потом спросил:
— А познакомиться можно?
Я пожала плечами.
— Можно.
Почему нет.
Электричка всё равно должна была прийти.
Он представился.
Алексей.
Мичман.

Связист.
Служил на корабле.
Сам из Волгограда.
Дальше он что-то рассказывал про море, службу, страны, в которых бывал.
Я слушала.
Иногда спрашивала.
Иногда не слышала половину ответа.
Потому что у него были глаза.
Карие.
Очень светлые.
Я до этого почему-то считала карие глаза тёмными.
Оказалось, бывают цвета крепкого чая на солнце.
Тёплые.
Вот это слово всё время приходило в голову.
Тёплые.
Глаза.
Голос.
Руки.
Сам человек.
Хотя руки я тогда ещё вообще не трогала.
Но уже мысленно выдала им характеристику.
Удивительная скорость работы женского воображения.

Мы сели в электричку вместе.
Это оказалось ошибкой.
Если бы он остался на перроне, всё могло закончиться нормально.
Приятный незнакомец.
Пара фраз.
Светлые глаза.
Воспоминание.
Но мы сели рядом.

А если посадить двадцатилетнюю женщину рядом с симпатичным моряком, дать ей два часа дороги и не ограничивать фантазию, последствия могут быть серьёзными.

Сначала я просто подумала:
Хороший.
Потом:
Очень хороший.
Потом:
Интересно, какая у него девушка.
Потом почему-то:
Наверное, никакой.
Через десять минут мы уже мысленно гуляли по осеннему парку.
Ещё через пять он держал меня за руку.
Он пока об этом не знал.

— А ты где учишься? — спросил Алексей.
Я рассказала.
Он слушал внимательно.

Это тоже было ошибкой.

Если мужчина смотрит тебе в глаза и действительно слушает, в двадцать лет очень легко сделать неверный вывод.

Например, что он единственный человек на земле, который тебя понимает.

Хотя он просто воспитанный.

Он рассказывал про корабль.

Я представляла, как жду его из моря.

Он говорил про Петербург.

Я уже выбирала район, где мы будем жить.

Он упомянул, что любит собак.

К этому моменту у нас появилась собака.

Большая.

Почему-то рыжая.

Имя я придумать не успела.

Всё-таки дорога была ограничена расписанием.

Где-то между второй и третьей станцией мы поженились.

Не буквально.

Пока только у меня.

Свадьба была осенью.

Разумеется.

Хотя ещё утром я осень ненавидела.

Платье не белое.

Что-нибудь золотистое.

Он тоже в светлом.

Листья.

Парк.

Фотографии.

Ира, конечно, говорит:

«Я же тебе говорила про осень».

Ненавижу, когда Ира права.

Даже воображаемо.

Потом появился сын.

На следующей станции — дочь.

Я не уверена в последовательности.

Возможно, сначала дочь.

Поезд качало.

Семейная хронология могла немного сбиться.

Дети были похожи на него.

Это я решила сразу.

Мне отводились характер и организационные вопросы.

Ему — глаза.

Справедливо.

— Ты чего улыбаешься? — спросил он.

— Ничего.

Это была наглая ложь.

У нас только что родился второй ребёнок.

Я смотрела в окно.

За стеклом шли жёлтые деревья.

Он сидел рядом.

Иногда наши плечи соприкасались.

Каждый раз совершенно случайно.

Моё сердце реагировало так, будто произошло событие государственного масштаба.

Он, кажется, ничего не замечал.

Или замечал.

Теперь уже не спросишь.

В какой-то момент мне захотелось, чтобы он взял меня за руку.

Просто взял.

Без поцелуев.

Без признаний.

Без будущего.

Хотя будущее к тому моменту у нас уже было довольно подробное.

Просто рука.

Я положила ладонь на сиденье между нами.

Очень естественно.

Так естественно, что потом минут десять боялась пошевелиться.

Он не взял.

Конечно.

Нормальные люди не читают чужие сценарии.

А потом он сказал:

— Мне следующая.

И вот тут наша семейная жизнь дала первую серьёзную трещину.

— Уже?

Очень достойный ответ.

Особенно если учесть, что человек ехал туда, куда ему было нужно.

— Да.

Он встал.

Накинул сумку на плечо.

— Рад был познакомиться.

— Я тоже.

Хотелось сказать что-нибудь ещё.

Что?

Дай телефон.

Запиши мой.

Увидимся?

Не уходи.

Я вообще-то уже родила тебе двоих детей.

Последний вариант, пожалуй, стоило исключить.

Он вышел.

Вот так просто.

Дверь открылась.

Он шагнул на платформу.
Обернулся.
Улыбнулся.
Я смотрела.
Поезд тронулся.
И только когда его фигура стала уменьшаться, я поняла, что не знаю о нём почти ничего.
Алексей.
Мичман.
Связист.
Волгоград.
Корабль.
Карие глаза.
Всё.
Телефона нет.
Адреса нет.
Фамилии нет.
Даже корабль я, кажется, прослушала.
Зато имена детям почти выбрала.
Очень рационально.

— Какая же я дура, — сказала я.
Женщина напротив подняла глаза от книги.
Я сделала вид, что говорила не вслух.

Первые пять минут хотелось выйти на следующей остановке и ехать обратно.
А что потом?
Приехать на платформу.
Найти его.
Как?
Стоять и спрашивать:
«Вы тут случайно не видели мичмана Алексея с красивыми глазами?»
Приметы:
невысокий.
брюнет.
хороший.
Военно-морской флот был бы благодарен.

Я смотрела в окно.
И постепенно он начал возвращаться.
Не настоящий.
Тот, мой.
Мы встретились снова.
Осенью.
Конечно.
Почему-то в парке.
У него в руках были рыжие лилии.
Откуда в октябре рыжие лилии — вопрос не задавался.
В хорошем воображении логистика цветов не обсуждается.
Он шёл ко мне по аллее.

Я плакала.
Он говорил:
— Я тебя искал.
А я отвечала:
— Я тебя ждала.
Красиво.
Очень.
И совершенно невыносимо.

Дальше фантазия уже пошла сама.
Мы гуляли.
Молчали.
Любили.
Он уходил в море.
Я ждала.
Возвращался.
Снова уходил.
Потом свадьба.
Петербург.
Дети.
Квартира.
Собака.
Книги.
Музыка.
Почему-то кофеварка.
Вот кофеварку я до сих пор объяснить не могу.
Она всё время ломалась.
Мы из-за неё ругались.
Это, наверное, был первый признак реализма.

Он седел.
Я тоже.
Дети выросли.
Сын женился.
Дочь зачем-то уехала учиться в Прагу.
Мы остались вдвоём.

Удивительно, сколько событий может уместиться между двумя железнодорожными станциями, если человеку очень не хочется возвращаться в реальность.

Мы снова сидели у моря.
Уже старые.
Не совсем старые.
Лет пятьдесят пять.
В двадцать лет пятьдесят пять казалось глубокой старостью.
Сейчас мне смешно.
Он обнимал меня за плечи.
Солнце садилось.
Ветер был тёплый.
Осень.

Всё ещё осень.

Почему-то в нашей воображаемой жизни вообще не существовало других времён года.

Ни налогов.

Ни стоматолога.

Ни коммунальных платежей.

Только листья, море и очень качественные отношения.

— Я тебя люблю, — сказал он.

Третий раз за жизнь.

Я почему-то точно знала, что третий.

— Билеты приготовили!

Я вздрогнула.

Передо мной стояла контролёр.

Настоящая.

Совершенно не романтическая.

— Девушка, билет.

Я смотрела на неё.

Потом на окно.

Потом на пустое место рядом.

Алексея не было.

Конечно.

Он вышел.

Минут двадцать назад.

А может, тридцать.

Я даже не заметила.

Была занята.

Жизнь проживала.

— Девушка!

— Да.

Я полезла в сумку.

Руки дрожали.

Контролёр посмотрела подозрительно.

Наверное, решила, что я еду зайцем.

Если бы.

Зайцем было бы проще.

Билет нашёлся.

Она пошла дальше.

Я осталась.

Одна.

Без мужа.

Без детей.

Без Петербурга.

Без собаки.

Без неисправной кофеварки.

Очень большая потеря для сорока семи минут знакомства.

Я сидела и пыталась понять, что произошло.

Я ведь почти не знала его.
Не знала, какой он злой.
Какой уставший.
Как ведёт себя, когда болеет.
Разбрасывает ли носки.
Держит ли слово.
Храпит ли.
Любит ли читать.
Как разговаривает с матерью.
Что делает, когда боится.
Какой он после трёх суток без сна.
Любит ли детей вообще.
Может, он ненавидит Петербург.
Может, аллергия на собак.
Может, отвратительно варит кофе.
Может, у него девушка.
Жена.
Трое детей.
Не рыжая собака.
А я уже успела состариться рядом.

Самое странное — мне было больно.
По-настоящему.
Не театрально.
Не красиво.
Не так, чтобы смотреть в окно и думать:
вот сейчас я очень кинематографично страдаю.
Нет.
Просто где-то внутри неожиданно стало пусто.
Будто у меня действительно что-то отняли.
Хотя ничего моего там не было.

Дома я плакала.
Совершенно бессовестно.
Из-за мужчины, фамилию которого не знала.
Это даже звучало нелепо.
Мама спросила:
— Что случилось?
Я сказала:
— Ничего.
И впервые это было почти правдой.
Ничего не случилось.
Вот в этом и была проблема.

Потом прошло несколько дней.
Я ходила на занятия.
Встречалась с друзьями.
Отвечала на звонки.
Покупала продукты.

Жила.

Оказывается, человек способен одновременно переживать величайшую несостоявшуюся любовь своей жизни и выбирать между двумя сортами макарон.

Организм вообще очень практичная штука.

Каждого похожего мужчину я некоторое время принимала за него.

Темноволосый — сердце дёрнулось.

Военный — посмотрела.

Карие глаза — всё.

Однажды побежала за мужчиной через половину улицы.

Догнала.

Он обернулся.

Лет сорок.

Совершенно другой.

— Девушка, вам чего?

— Ничего.

Это слово снова оказалось полезным.

Потом перестала.

Не сразу.

Постепенно.

Следующей осенью всё ещё вспоминала.

Через две — тоже.

Через пять уже могла рассказать эту историю и смеяться.

Через десять поймала себя на том, что не помню его голос.

Испугалась.

Попробовала восстановить.

Не получилось.

Глаза помнила.

Улыбку.

Куртку.

Чистые ботинки.

Голос — нет.

Вот так человек начинает исчезать.

Сначала голос.

Потом движения.

Потом точные черты лица.

Остаётся чувство.

Оно почему-то держится дольше фактов.

Иногда я думаю: а если бы я тогда вышла?

На следующей станции.

Вернулась.

Нашла.

Допустим.

Он бы удивился.

Я бы попросила телефон.

Мы бы встретились.

И дальше?

Возможно, действительно полюбили бы друг друга.

Почему нет.

Такие вещи случаются.

Возможно, прожили бы двадцать семь лет.

Были бы дети.

Собака.

Даже кофеварка.

А возможно, через три встречи выяснилось бы, что нам совершенно не о чем разговаривать.

Через месяц он перестал бы звонить.

Или перестала бы я.

И тогда вместо целой жизни у меня остался бы обыкновенный неудачный роман.

А так у нас всё получилось.

В некотором смысле.

Мы никогда не поссорились.

Не предали друг друга.

Не устали.

Не разочаровались.

Он ни разу не сказал мне ничего жестокого.

Я ни разу не захлопнула дверь.

Мы не разводились.

Не делили квартиру.

Не забывали годовщину свадьбы.

Наши дети выросли хорошими людьми.

Собака прожила долго.

Даже кофеварку в конце концов поменяли.

Идеальный брак.

Единственный недостаток — его не было.

Прошло больше двадцати лет.

Осень я теперь люблю.

Не знаю, виноват ли Алексей.

Возможно, Ира просто в конце концов победила.

Мне нравится идти по листьям.

Нравится воздух.

Ранние сумерки.

Запах моря, когда становится холоднее.

И каждый октябрь хотя бы один раз я почему-то вспоминаю ту электричку.

Не его даже.

Себя.

Девочку, которая за сорок семь минут построила целую жизнь с человеком, которого больше никогда не увидела.

Раньше мне было за неё неловко.

Теперь нет.

Она ничего не потеряла.

Потому что ничего не получила.

Но однажды обычный незнакомый мужчина сел рядом, рассказал ей про море и каким-то образом показал, что внутри неё ещё помещается столько любви, что её хватит на мужа, двоих детей, собаку, Петербург и двадцать семь лет.

Пусть даже между двумя остановками.

Наверное, это тоже не совсем мало.

Иногда я думаю, помнит ли он меня.

Девушку из электрички.

Тёмные волосы.

Не знаю, что было на мне.

Вот это как раз забылось.

Может быть, он вообще не помнит.

Спросил время.

Поговорил.

Вышел.

Обычная дорога.

Обычный день.

А может быть, однажды осенью он тоже увидел женщину с похожим лицом и на секунду подумал:

где-то я её видел.

Мне достаточно и этого.

Вчера я ехала в электричке.

Напротив сидел молодой парень.

Лет двадцать.

Рядом девушка.

Он что-то рассказывал.

Она смотрела на него так внимательно, что я сразу всё поняла.

Потом он встал.

— Мне выходить.

Она тоже поднялась.

— Я с тобой.

Вот умная девочка.

Я улыбнулась.

Они вышли.

Поезд поехал дальше.

За окном была осень.

Жёлтая.

Тёплая.

Совершенно настоящая.

ЧАЙ С ЛИМОНОМ

Посвящается Алексею, кафе «Копейка».

Просто так...

— Чай с лимоном, пожалуйста.

— Девушка, вы знаете, а лимон закончился.

— Специально для меня?

Ты улыбаешься.
— Специально для вас.
— Тогда с вас два в следующий раз.
— Два к следующему чаю.
Какая у тебя красивая улыбка.
Пусть дежурная.
Пусть немного усталая.
И голос такой же, как мой чай: густой, обволакивающий, тонизирующий, чуть с горчинкой.
И глаза.
Серо-синие.
Никогда не видела такого цвета.
А может быть, это просто плохое освещение и твоя форменная рубашка делают их такими.
Неважно.
Мне нравятся.

Ты красив.
Невысокий.
Спортивный.
Тёмные волосы, тёмные брови, смуглая кожа.
И руки.
Сильные мужские руки, о которых почему-то сразу хочется мечтать.
О том, как они обнимают тебя в танце.
Как снимают с тебя одежду в темноте.
Как просто лежат поверх твоей ладони.
Странно.
Я почти ничего о тебе не знаю.
Но руки уже придумала.

Мой любимый туманный город прекрасен всегда.
Зимой.
Летом.
Весной.
Осенью.
Зимой здесь замерзает море, и можно идти по льду далеко-далеко, пока люди на берегу не станут маленькими точками.
Мне нравится идти туда на тонких каблуках — совершенно непрактично, совершенно глупо — и чувствовать себя единственным человеком посреди огромной белой пустыни.
Там можно написать твоё имя на снегу.
Просто так.
Чтобы его никто не увидел.
Кроме моря.

А ещё зимой в парках огромные сугробы.
Можно сидеть на них и смотреть на звёзды.
Здесь они удивительно близкие.
И всё равно недостижимые.
Как некоторые люди.

Можно представлять, как ты целовал бы меня здесь холодными губами.

Как мы смеялись бы.

Как бросались снегом.

Как потом ты отогревал бы мои пальцы своими ладонями.

Можно.

Мечты вообще ничего не стоят.

Поэтому человек редко экономит.

Осенью и весной здесь дожди.

Лучше всего вечером идти по мокрой брусчатке, когда горят жёлтые фонари и кажется, будто идёшь по стеклу.

Фары встречных машин отражаются в лужах.

Солнечные зайчики, потерявшиеся ночью.

Ты просто идёшь.

По тонкому-тонкому стеклу дождя.

И уже неважно куда.

Неважно зачем.

Важно только, что идёшь.

А летом здесь туманы.

Из тумана хорошо лепить мечты.

Из снега катают снежки.

Из тумана делают то, во что сами не верят.

Очень удобный материал.

Не успел закончить мечту — она уже растворилась.

Никаких доказательств.

Это город, которому можно задавать вопросы.

Он ответит.

Только я не спрашиваю.

Мне не нужны ответы.

Потому что они не в городе.

Они во мне.

А город всего лишь иногда помогает их услышать.

Мой любимый город у моря.

У нас с тобой свидание сроком в сорок дней.

Ты об этом не знаешь.

Я приехала сюда на полтора зимних месяца.

Что оставила там, откуда приехала, сейчас неважно.

Мне нравится думать, что приехала к тебе.

К твоему замёрзшему морю.

К этим улицам.

К туманам.

К ощущению тебя.

Хотя, конечно, когда покупала билет, твоего имени ещё не знала.

Это детали.

Моё любимое кафе находится возле величественного старого здания вокзала.

Название у него совершенно несерьёзное.

«Копейка».

Но дело ведь никогда не в названии.

Дело в атмосфере.

Здесь можно сидеть на простом пластиковом стуле, пить дешёвый чай и за несколько десятков рублей наблюдать, как вокруг проходит чужая жизнь.

Чай и пирожное — плата за подсмотренные минуты чужих судеб.

Гораздо интереснее фильмов и клипов, которые крутят по двум маленьким телевизорам под потолком.

Вот охранник отчаянно зевает.

Не выспался.

Почему?

Может быть, дома больная мама и он всю ночь сидел рядом.

Может, маленький ребёнок.

А может, он студент и сегодня сдавал экзамен.

Я никогда не узнаю.

Поэтому могу придумать что угодно.

За соседним столиком четыре студента.

У двух мальчиков длинные волосы — дань хиппи.

Мыть не пробовали.

Девочки красивые.

В чёрном.

Смеются.

Пьют пиво.

Двое парней смотрят на одну — ту, что в юбке.

Влюблённо-влюблённо.

Восхищённо-восхищённо.

А четвёртая лишняя.

Она это тоже понимает и стреляет глазами по соседним столикам.

Мы встречаемся взглядами.

Я улыбаюсь.

Она — нет.

Ну и не надо.

Для таких случаев у меня есть пирожное.

За другой столик садится рыжая девушка с яркими зелёными глазами.

Описать её можно одним словом:

царственная.

Кофе.

Какой-то салат.

Из коричневой замшевой сумки достаёт книгу.

О.

Свои.

Романтики.

Только они способны в таком шумном, кипящем месте читать и одновременно находиться где-то совершенно далеко.

Я ведь тоже читаю.

Мой сборник называется:

«Подсмотренная жизнь».

Я наблюдатель.

Была.

До твоих слов:

— А лимон закончился.

Я хожу сюда каждый день.

После пар в университете.

После зачётов.

После экзаменов.

Это давно стало ритуалом.

Подземный переход.

Виадук.

Пара десятков ступеней вниз.

Пара десятков вверх.

Трамвайные пути.

Ещё несколько ступеней.

Ленин, указывающий куда-то вперёд.

И стеклянная дверь в мою книгу.

Теперь — дверь к тебе.

Ты понравился мне сразу.

Просто симпатичный парень.

В моём вкусе.

Ничего особенного.

Но тогда, в твоей дежурной улыбке, мелькнуло что-то.

Неуловимое.

Невозможное для слов.

Слегка зацепило душу.

Царапнуло.

Совсем чуть-чуть.

Этого оказалось достаточно.

Теперь я прихожу к тебе.

И мой сборник чужих рассказов закончился.

Я читаю один.

С твоим именем.

Рассказ несложный.

Даже финал известен заранее.

Я уеду.

Ты останешься.

Вот и всё.

Только я стараюсь об этом не думать, когда покупаю чай.

Лёгкое касание рук.

Улыбка на улыбку.

Шутка на шутку.

Несколько случайных подробностей о тебе.
Как работаешь.
Что нравится.
Чем занимался вчера.
Куда собираешься завтра.
Крошки.
Я собираю их очень аккуратно.
Как будто из них действительно можно составить человека.

Я покупаю твоё внимание этим чаем.
Этим пирожным.
На минуту.
Иногда на две.
Мне хватает.
Хватает, чтобы ночью ты приснился.
Чтобы написать твоё имя на полях тетради.
Чтобы на следующий день снова идти сюда, заранее зная, что закажу.

Я знаю, что у нас ничего не будет.
Не может быть.
Я скоро уезжаю.
И, наверное, не стоит ничего начинать.
Не хочу.
Не хочу выпить тебя, как этот чай, а потом забыть.
Пусть лучше останешься в памяти.
Мой чай с лимоном.
Крепкий.
Тёмный.
Терпкий.
С лёгкой кислинкой того, что мы так ничего и не попробовали сделать вместе.

В моей памяти останется твоя немного усталая улыбка.
Голос.
Серо-синие глаза.
И смазанное, почти случайное прикосновение рук.
Иногда мне кажется, что этого достаточно.
Иногда — что ужасно мало.

Весной я приеду снова.
Я почему-то уже знаю это.
А ты, возможно, будешь работать уже не в «Копейке», а где-нибудь ещё.
Но я всё равно найду тебя.
Приду рано утром.
Закажу чай.
Улыбнусь.
Случайно коснусь твоих пальцев.
Ты, может быть, вспомнишь меня.
А может, нет.
Перед тобой каждый день проходят десятки лиц.

Сотни.

Я всего лишь одно из них.

Это неприятная мысль.

Но честная.

Когда-нибудь я напишу о тебе рассказ.

О нас, которых никогда не было.

О том, как однажды ты мог бы попросить меня дождаться конца смены.

Как мы пошли бы по замёрзшему морю.

Целовались под близкими-близкими звёздами.

Как твои руки лежали бы на моей коже.

Может быть, придумала бы нам дом.

Музыку.

Книги.

Утро.

Несколько лет.

Целую жизнь.

Я умею.

А потом остановилась бы.

Потому что всё это было бы неправдой.

Красивой.

Но неправдой.

На самом деле у нас есть только чай.

Пирожное.

Твоя улыбка.

И несколько случайных прикосновений пальцев.

Может быть, я всё-таки отдам тебе этот рассказ.

Без имени.

Оставлю только номер телефона.

Захочешь — позвонишь.

Хотя я не уверена, что хочу этого.

Что делать с человеком, которого так красиво придумала, если он вдруг станет настоящим?

Возможно, лучше тебе не звонить.

Лучше я просто буду приезжать зимой.

В самый морозный и снежный месяц.

Тот, в котором когда-то сама пришла в этот мир.

Буду заходить.

Заказывать ритуальный чай.

Обязательно с лимоном.

И ритуальное пирожное.

Ты будешь дарить мне свою немного усталую улыбку.

Наши пальцы иногда будут случайно встречаться.

А я буду наблюдать за тобой.

Привычно.

Немного глупо.

Ревновать к посетительницам, на которых ты улыбаешься точно так же.
И пить чай.

Сегодня лимон всё-таки принесли.
Ты положил в чашку две дольки.
Я посмотрела.
— Это ещё что?
Ты улыбнулся:
— Долг отдаю.
Я рассмеялась.
Ты уже повернулся к следующему посетителю.
Всё.
Минутка закончилась.

Я взяла чашку и пошла к своему столику.
Чай был крепкий.
Горячий.
Лимона оказалось даже слишком много.
Я сделала глоток.
Поморщилась.
Потом почему-то улыбнулась.
Вот, наверное, и весь наш роман.
Две дольки лимона вместо одной.
Случайное прикосновение пальцев.
И сорок дней, о которых знает только один из нас.

Ты — мой чай с лимоном.
Смуглый.
Крепкий.
Терпкий.
С лёгкой кислинкой двух случайно пересёкшихся дорог.
И любви, которой, возможно, лучше было так и не случиться.

ВРЕМЯ ЗНАЛО

В первый раз я увидела тебя года два назад. Мельком.
Покупала у тебя диск модной тогда «Фабрики звёзд». Ты протянул мне его, и я случайно коснулась твоей руки. Подняла глаза, посмотрела в твои...

Нет.

Не утонула.

Не влюбилась мгновенно.

Просто улыбнулась.

Было в тебе что-то.

Но тогда сквозь всю ту боль, что жила во мне, я не смогла этого понять.

Было ещё не время.

Мне вдруг стало грустно. Словно я увидела себя со стороны — твоими глазами. Свою дешёвую потёртую дублёнку, старенькие выстиранные джинсы.

Тебе не было меня жаль.

Может быть, тебе было так же грустно, как мне.

А может быть, тебе просто было грустно.

Было ещё не время...

На эти два года ты не исчез из моей жизни, но и не вошёл в неё.

Оставался где-то на границе памяти и забвения.

Ты просто был.

Случайная фотография у подруги. Несколько слов другой знакомой. С кем-то мы даже придумали целую историю, в которой ты был одним из действующих лиц. Сначала моим парнем, потом её.

Люди верили.

А ты оставался совершенно чужим человеком, абстрактной фигурой с коротким, гордым и пока ещё не любимым мною именем.

Макс.

Было ещё не время...

Я снова пришла к тебе.

Уже не осенью, но ещё и не зимой.

В тот же торговый центр, за картой экспресс-оплаты телефона.

Ты сидел за столом напротив входа и что-то отмечал в тёмно-коричневом журнале.

Я тебя не узнала.

Спросила про карточку на пять долларов.

Ты поднял глаза.

Чуть склонил голову набок.

И пришло время.

Что-то случилось.

Искра.

Контакт.

Не любовь ещё.

Просто странное, почти физическое чувство: ты мне нужен.

Словно кто-то в этот миг затянул нить, которая два года незаметно тянулась между нами. Сделал её короткой. Убрал всё промежуточное и оставил только нас.

Я увидела вокруг тебя свет.

До сих пор не знаю, как это объяснить.

Он был почти бесцветным и одновременно переливался, как тонкая бензиновая плёнка на воде: фиолетовым, жёлтым, зелёным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.